Сильнова Елена Ивановна

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ: СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА

В статье раскрывается механизм развития социального образа из архетипа. Архетип Матери-Земли является основанием коллективного сознания российского общества. Анализ трансформации архетипа в производные от него социальные образы сопряжен с понятиями социальной философии и ментальными конструктами, что позволяет выделить социальные характеристики и смыслы этих образов. Социальный смысл российских социальных образов - Матери, Отца, Земледельца, Воина - реализуется в социальных практиках посредством интеграции людей в общности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/46.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики</u>

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. І. С. 169-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: <a href="woortoo.com/voor

УДК 87.6

Философские науки

В статье раскрывается механизм развития социального образа из архетипа. Архетип Матери-Земли является основанием коллективного сознания российского общества. Анализ трансформации архетипа в производные от него социальные образы сопряжен с понятиями социальной философии и ментальными конструктами, что позволяет выделить социальные характеристики и смыслы этих образов. Социальный смысл российских социальных образов — Матери, Отца, Земледельца, Воина — реализуется в социальных практиках посредством интеграции людей в общности.

Ключевые слова и фразы: образ; социальный образ; Россия; архетип; Мать; Отец; Земледелец; Воин; коллективное сознание; социальный смысл; трансформация смысла.

Сильнова Елена Ивановна, к. филос. н., доцент

Capamовский государственный социально-экономический университет eis82@mail.ru

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ: СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХЕТИПА $^{\circ}$

Социальный образ является значимой составляющей социальной действительности, формирующийся сознанием всего социума или отдельной социальной группы. Поэтому это форма коллективного сознания. Вместе с тем, образ определяет и существование многих важнейших социальных обратных связей и взаимозависимостей [1; 13]: формируясь в сознании общества, он, в свою очередь, активно меняет его и воздействует на социальную действительность. Существенным является то, что в разные исторические времена и в разных социальных ситуациях в формировании социального образа используются разные ментальные конструкты, востребованные социальной действительностью. Именно образ «аккумулирует» социальные смыслы и переводит их в узнаваемые архетипические формы.

В основе любого социального образа лежит архетип как первичная матрица общественного сознания, структурообразующий элемент коллективного бессознательного, универсальная модель бессознательной психической активности, спонтанно определяющей человеческое мышление и поведение. Архетипы К. Г. Юнга как «формы и образы, коллективные по своей природе» носят не только культурно-исторический, но и генетический характер, представляя то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым индивидуальным сознанием. Архетипы обеспечивают априорную (доопытную) готовность к восприятию и осмыслению мира [15, с. 66]. Таковы архетипы Матери [16, с. 16-36] и Возрождения, Младенца и Девы. Архетип никогда не овладевает нашим сознанием «в чистом виде», преломляясь через представления опыта и подвергаясь сознательной обработке, поэтому необходимо различать собственно архетипы и архетипические образы, которые тем ближе находятся по отношению к архетипу, чем больше степень влияния сознания на них.

Однако в социально-философском анализе архетип приобретает конкретное социальное содержание: это не только первообраз коллективного сознания, но и, одновременно, смысловая основа любого социального или личностного образа. Если архетип — первичная структура, психическая матрица, обладающая бессознательным содержанием, то архетипический (социальный) образ — вторичная, производная структура, посредством которой скрытые социальные смыслы матрицы раскрываются. Если архетип преломляется через социально-философское направление научного анализа и сферу социального, то приобретает статус и значение социального образа. Тем самым социальный образ является результатом трансформации архетипов — первичных образцов коллективного сознания. Механизм преобразования социального образа из архетипа неизменно связан с ментальностью. Отсюда социальный образ как таковой — это смысловая матрица, основанная на архетипе, традиции и включающая в себя комплекс ментальных представлений коллективного сознания, а также содержащая универсальные социальные и аксиологические смыслы, сопрягающиеся с основными понятиями социальной философии.

Зададимся вопросом: какой архетип изначально является основанием коллективного сознания и детерминантом социальной жизни в России? Какие производные от архетипа социальные образы получили свое развитие в российской социальной действительности? Каков механизм становления и трансформации социальных образов как самостоятельных социальных структур? Ответы на эти вопросы являются весьма важными для решения теоретико-методологических задач в сфере социальной философии и практического применения в области социальных проблем, в частности, связанных с коллективным сознанием, открывая путь к более глубокому пониманию социального.

В коллективном сознании содержательный аспект социального архетипа воплощается в таких ментальных и психоэмоциональных конструктах, как «социальное чувство», «психический тип нации», «социальный характер», «национальный дух», «национальная душа», которые описываются в виде некоторого психологического облика конкретной социальной группы, проявляющегося как типичный, устойчивый способ поведения и деятельности, мотиваций и ценностей, как особый менталитет или этос. Становление и трансформацию архетипов общественного сознания в социальные образы возможно произвести посредством социально-философских понятий: «образ жизни», «деятельность», «функция», «структура», «социальное отношение», а также конкретно-всеобщих понятий («род»). Социально-философский анализ позволяет выделить

_

© Сильнова Е. И., 2014

социальные характеристики и смыслы отдельных социальных структур – социальных объектов, создавая их индивидуальный или коллективный образ.

Весьма важным для понимания сущности общества является проникновение в глубинные пласты ментальности народа на примере мифологической традиции, поскольку современные коллективные представления есть результат наслоения на более древнюю платформу ментальности. С. Московичи полагает, что современные отношения носят ментальный характер, поскольку они пускают в ход ментальные представления [9]. Так, базовыми компонентами образа человека родоплеменного общества, укоренившимися в его сознании в ходе антропосоциогенеза, стали такие архетипы, как «Мать-Земля», «Свой», «Чужой». Они отражали коллективный опыт первобытных людей в условиях их бытия в природе, что выражалось в системе мифологии и ранних форм религиозности, в которых эта природа обожествлялась. Эти глубинные представления не утратили своего значения и в сознании современного человека. Они трансформировались в систему ценностей патриотизма и представлены в таких понятиях, как «Россия-Матушка», «Родина-Мать», «Отечество». В современной жизни эти ценностно-смысловые представления приобретают возвышенный, сакральный характер. Так, ценности патриотизма обычно объединяют людей из самых разных социальных слоев, когда обществу угрожает гибель, утрата целостности или суверенитета.

Мифологическая традиция показывает живое развитие коллективных представлений, составляющих основу общественного самосознания и устойчивых в исторической динамике, аккумулирующих и транслирующих исторический опыт общества. Так, в «эпоху прародителей» иерархия ценностных ориентаций древних славян возносится к генетико-родовой сфере. Родовой характер первобытной космологии ставит в центр картины мира общину родственников. Отсюда особое почитание рода как творца мира и рожаниц, хранительниц жизни и домашнего очага, а также значимость и ценность тех событий и объектов, которые связаны с родовой принадлежностью. Славяне называют родом всю Вселенную, включающую в себя богов небесных и земных, а также домашнего бога-предка [12, с. 382, 613, 620, 630-636]. Род – это и безличный мировой закон, и ближний космос сообщества родственников. Закон рода выражается в русской народной поговоркезавете: «чтоб нашего роду не было переводу». В целом, родовое древнеславянское общество – это закрытое (К. Р. Поппер) сообщество, основанное на родовом культе и воспроизводстве жизни как необходимо бесконечном процессе. Социальный смысл такого сообщества нацелен на сотворение нового человека, который, в свою очередь, призывается к служению в виде обустройства и упорядочивания родового пространства.

Особое место в пантеоне древних славян, «племен пахарей» (Геродот), занимает божество Макошь (Мокошь) – символ земли, плодоносного слоя почвы. Плодоносящая земля отождествляется в народном сознании с женщиной-роженицей или матерью. Культ Макоши близок культу Матери Сырой Земли, рождающей жито, а значит, дающей жизнь и богатырскую силу. Образ Матери символизирует всеобщее рождающее и питающее начало, воплощая собой аграрный культ в России вплоть до середины XX века: «мать сыра-земля, хлебородница», «матушка-владычица», «кормилица» и «утешительница» [14, с. 74, 78], «питательница мира», «подательница благ» [7, с. 31, 33]. Н. А. Бердяев отмечает «очень сильную в русском народе религию земли», что «заложено в очень глубоком слое русской души» – архетипе. Земля для русского человека — «последняя заступница», а «основная категория» русского сознания — «материнство» [2, с. 8]. С почитанием Матери-Земли связано и великое значение родительского благословения, и религиозный смысл родства между поколениями. Образ-архетип Матери-Земли этизируется в славянском национальном сознании настолько, что становится воплощением нравственной правды и закона родовой жизни. В. П. Рожков справедливо полагает, что «столетиями обожествляемый образ -Матери-Земли" впоследствии стал внутренней основой для особого почитания крещенным русским народом Богородицы, небесной заступницы и охранительницы земли Русской» [11, с. 36].

Итак, коллективное сознание славян в мифологическую эпоху выразилось в архетипе Матери-Сырой Земли, того символического прообраза, который дает начало в российском историческом процессе различным социальным образам и смыслам. Этот архетип несет в себе «дух народа» как совокупность субстанциальных жизненных интенций, своего рода инвариант трансцендентного. Возникающий на основе архетипа Матери социальный образ России-Матушки, Родины-Матери позволяет характеризовать российскую цивилизацию как материнскую, родительскую.

В настоящее время исчезли социальные отношения, питающие прежде полноценный архетип Матери-Земли: демографический кризис в России свидетельствует об исчерпанности родового начала; утрата преемственности поколений и народных воспитательных традиций усугубляет духовно-нравственный раскол в обществе; принятие социальным государством на себя функций патернализма по отношению к человеку косвенно выражает неблагополучие в семейной сфере. Однако в экстремальных условиях, под угрозой уничтожения общества, архетип Матери работает, обращаясь к глубинным основам подсознания народа: «Родина-мать зовет!»

Производным от архетипа Матери-Земли и близким ему по смыслу является образ Земледельца-пахаря. Традиционно-родовое выделение земледельца как жизненно важной фигуры происходит в период распада славянского родоплеменного единства, чему способствовало изменение социальной среды: развитие процессов разделения труда, социально-классовой дифференциации, государственного управления. Необходимость нового социального единения, но уже на государственном уровне, вызывает к жизни социальный образ Земледельца как основу нового политического единства [10, с. 16]. Таков, например, былинный Микула Селянинович — исполинской силы богатырь-ратай, истинный оплот земли русской, подлинный культурный герой славянско-русской эпической мифологии [3, с. 130].

Традиционный для коллективного древнерусского сознания образ Земледельца «наследует» от своего первообраза Матери-Земли социализированные вследствие общественных отношений функции: заботу и служение земле, ее возделывание, терпеливое ожидание «результата» в виде всходов и урожая. Кровнородственная,

естественная связь русского человека с родной землей предполагает умение пахать землю, сеять злаки, жать снопы, разводить скот. Трудовой образ жизни неотделим от нравственного сознания народа и напрямую сопрягается с этикой «нестяжания». В античном трактате о земледелии находим: «Из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» [6, с. 21]. Другой римский ученый-агроном в своей апологии крестьянского труда добавляет: «Все остальные занятия, многообразные и неприглядные, равно далеки от правды и справедливости» [Там же]. Получается, образ Земледельца воплощает в себе лучшие черты нравственной личности: стремление к правде, свободе, ненасилию.

Экономическая ориентация земледельца, обязующегося всè необходимое для жизни производить своим трудом, жить за счет собственных ресурсов, была нацелена на простое воспроизводство средств существования, хозяйственную самостоятельность и давала возможность увеличить семейное достояние, обеспечить экономическую независимость от стихийных сил природы, достойную свободного человека. Л. В. Милов отмечает слабую взаимозависимость между вложением труда и интеллекта в земледелие и результатами этой деятельности, отсюда чрезмерная интенсивность сельского труда. Осторожность в технологических новациях в земледелии объясняется несоизмеримостью масштабов жизни, практического жизненного опыта земледельца и совокупностью опыта многих поколений крестьян. Поэтому своеобразие реализации крестьянского опыта проявлялось в императивной форме традиции и обычая [8, с. 31].

Крестьянство в российском историческом процессе до сих пор несет образ «кормильца» страны. Социальная деятельность и образ жизни земледельца имплицитно содержат в себе архетип Матери-Земли, выражаясь через социальные характеристики: объединение людей с целью добывания средств существования и их непрерывное воспроизводство, покровительство земле, жертвенность своими жизненными силами и временем, возделывание и культурация земли, питание и кормление ее плодами. Можно говорить о доминировании «крестьянской ментальности» в коллективном сознании, поскольку Россия на всем протяжении исторического процесса оставалась аграрной страной с соответствующим экономическим укладом жизни, присущей социальной этикой и системой духовно-религиозных ценностей. Поскольку, по мнению Э. Дюркгейма, коллективное сознание — это «психический тип общества» [5, с. 80], то аграрный характер жизни российского общества порождал соответствующую коллективную психологию долготерпения и взаимопомощи, равенства и братства.

В целом, образ Земледельца является наиболее близким по социальному смыслу к архетипу Матери: объединение людей в общество; постоянная социальная деятельность, обеспечивающая необходимо непрерывное родовое воспроизводство и обеспечение средств существования; осуществление постоянных социальных функций по сохранению уже созданного. Однако на современном историческом этапе произошло разрушение архетипических основ: социальный образ-архетип Крестьянина и Земледельца ныне замещается очаговым фермерством, аналогом западной формы. Поистине национальной трагедией становится отсутствие «настоящего хозяина земли русской».

Весьма близким к архетипу Матери-Земли является также традиционный социальный образ Воина как защитника земли. Для русского народа единственно всеобщей мерой связи человека с землей всегда была связь «кровная», то есть способность встать на защиту родной земли, отдать ей свою кровь. Родовое пространство славян неизменно связывается не просто с землей как территорией проживания, но с землей, политой кровью. Смерть на бранном поле имеет сакральный смысл: павший в бою воин обретает бессмертие души и «жизнь вечную». Русский человек – это «дитя» русской земли и в то же время ее защитник, готовый ради родной земли на самопожертвование [4, с. 52].

Воинская стойкость традиционно считается одним из наиболее характерных свойств и главных достоинств русского национального духа, воплотившего родовую сплоченность русского народа. Утверждению
этого ратного духа способствовали как многовековые исторические обстоятельства жизни российского государства, так и эмоционально-психологические особенности русского темперамента, природные настроения
русской души, полнота в ней родственных чувств, когда «смерть за други своя» представляется священным
актом человеческой жизни. Воинское братство оказывается в мозаике русской ментальности наиболее органичной и зримой особенностью, выражая собой основную, простейшую субстанцию этнической жизни вообще, — естественную тягу к жизни, первобытную потребность этноса в самосохранении, жизнестойкость
народа. Воинская доблесть обнажает истинную суть русской души, а воинство сравнивается с богосыновством. Идеология героизма, воинственности и братства закрепляется в социальном образе Воина.

Социальный смысл образа Воина восстанавливает первичный архетип: сплоченность народа перед лицом врага, защита и охранение земли, жертвенность, патриотизм как сущностная приверженность родной земле. В условиях реальной угрозы обществу образ-архетип Воина активизируется в полярных потенциалах жертвенности и жестокости. Понимание справедливости у русского человека является базовой категорией, инициирующей боевую активность. Так, попрание врагом сакральных святынь (Матери-Земли, домашнего очага) приводит к ответной жестокости и одновременно жертвенности: «Мы за ценой не постоим!». Отсюда и неоправданно многочисленные воинские жертвы, и необычайный размах разрушений жизненного пространства врага.

Возвышенные образы мифологической традиции олицетворяются в «лучших людях», «культурных героях» и становятся смысловыми матрицами коллективного сознания. Образ Отца, героя и спасителя, воскрешает архетип человека, который взваливает на себя бремя ответственности, решительных действий и размышлений о судьбах людей. Таковы первые военные предводители и спасители народа. Функция такого вождя, лидера и героя заключается в своевременном «спасении» людей: вывести в «теплые края», найти плодородные земли и пастбища, провозгласить основные устои жизни и, если понадобится, изгнать чужеземцев. По сути, это «практический» герой, обладающий необычайной волей и интуицией, непререкаемым авторитетом и готовностью

самопожертвования. Формула равновесия занимает важное положение в системе героического мифа, поэтому вождь или лидер появляется тогда, когда необходимо восстановление равновесия и стабильности. Фигура противостоящего ему «вредителя», «врага» персонифицирует зло мира. Последовательность преодоления препятствий обнаруживает стоический характер лидера. Тогда ситуация героизируется, решение проблемы приобретает масштабность, глобализм, а в результате героических действий возникает непременно «великое общество».

Социальный смысл образа-архетипа Отца (спасителя, вождя) предполагает: социальную интеграцию и солидарность, практическую деятельность по спасению людей и обеспечение безопасности, покровительство и родительскую заботу об их благополучии, противостояние врагу, ответственность, жертвенность, воспитание народа на основе установления жизненных правил, наконец, социальное управление. В дальнейшем историческом процессе архетипический образ Отца-спасителя, определяясь внутренними и внешними социально-историческими условиями, а также политическими и идеологическими стратегиями, дает начало новым социальным образам: князь, царь («батюшка»), президент, чиновник. Именно образ-архетип Отца можно назвать «реально работающим» в современной социальной действительности, что проявляется, прежде всего, в социально-политической сфере — в функциях государственного управления, официального представительства, бюрократической регламентации, обеспечения национальной безопасности.

В целом, архетип Матери-Земли является исходным основанием для формирования различных социальных образов сознания социума и социальной действительности России. Смысловая трансформация первичного архетипа в традиционные российские социальные образы определяется посредством социально-философских понятий, ценностными основаниями, социально-исторической динамикой России, ментальными конструктами, религиозно-духовными, политическими, социокультурными смыслами. Российские социальные образы подчеркивают родовые отношения. Социальные смыслы образа Матери (России-Матушки) выражаются через социальные характеристики, которые в социальных практиках реализуются посредством сплочения людей в общности: интеграции, солидарности, коллективизма, равенства, братства, всеобщей ответственности, патернализма, демократии. Социальные образы Матери, Отца, Земледельца, Воина определяют «лицо» российского общества в историческом процессе, ориентиры его социальной деятельности, духовно-нравственное развитие и способность конструирования социальной идентификации. В настоящее время эти образы нуждаются в реанимации, поскольку они несут в себе систему ценностей патриотизма и жертвенности, без сохранения которых российское общество может оказаться перед лицом реальной угрозы разрушения социальности.

Список литературы

- 1. **Белоусова Ю. В.** Гносеологический аспект образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 22-24.
- 2. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 542 с.
- 3. Былины. М.: Современник, 1986. 559 с.
- **4.** Гореликов Л. А., Лисицына Т. А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. Великий Новгород, 1999. Ч. 3. Судный час русской идеи. 140 с.
- 5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
- 6. Кнабе Г. С. Древний Рим история и повседневность: очерки. М.: Искусство, 1986. 205 с.
- 7. Костомаров Н. И. Славянская мифология. Киев: Типография И. Вальнера, 1847. 119 с.
- 8. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- 9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3-18.
- **10. Рожков В. П.** Альтернативы мировоззренческого выбора. Опыт осмысления философского процесса в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 176 с.
- 11. Рожков В. П. Русская идея: образ и смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов: Изд-во СГУ, 2011. Т. 11. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 4. С. 35-39.
- 12. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997. 821 с.
- 13. Скрябина Л. И., Чуркина Н. А. Коммуникативная природа ментальности как основа социального взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 2. С. 184-187.
- **14. Федотов Г. П.** Судьба и грехи России: в 2-х т. СПб.: София, 1991. Т. 2. 352 с.
- **15. Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
- 16. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

RUSSIAN SOCIAL IMAGES: SEMANTIC TRANSFORMATION OF ARCHETYPE

Sil'nova Elena Ivanovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor Saratov State Social-Economic University eis82@mail.ru

The article reveals the mechanisms of developing social image from archetype. The archetype of Mother-Earth is the basis of the Russian society collective consciousness. The analysis of archetype transformation into social images derived from it is interfaced with the notions of social philosophy and mental constructs that allows revealing the social characteristics and meanings of these images. The social meaning of the Russian social images –Mother, Father, Farmer, and Warrior – is implemented in social practices through the integration of people in community.

Key words and phrases: image; social image; Russia; archetype; Mother; Father; Farmer; Warrior; collective consciousness; social meaning; transformation of meaning.